

Исчезающее тело короля: происхождение тюрьмы, уголовного права и государства

FOUCAULT M. (2015). THÉORIES ET INSTITUTIONS PÉNALES: COURS AU COLLÈGE DE FRANCE, 1971–1972 / SOUS LA RED. B. E. HARCOURT. PARIS: EHESS, GALLIMARD, SEUIL. 340 P. ISBN 978-2-02-098569-7

Евгений Блинов

Ассоциированный сотрудник ERRAPHIS, Университет Тулузы 2

Адрес: Pavillon de la Recherche, Bureau RE 205, 5,

allées Antonio Machado F-31058, Toulouse cedex 9, France

E-mail: moderator1979@hotmail.com

Выход в 2015 году последнего, тринадцатого тома курсов лекций, прочитанных в Коллеж де Франс (далее — Курс) Мишеля Фуко, озаглавленного «Теории и институты уголовного права» (Théories et institutions pénales: cours au Collège de France, 1971–1972; далее — ТИР), завершает цикл публикаций, начатый в 1997 году, когда по инициативе и под редакцией Франсуа Эвальда и Алессандро Фонтаны была выпущена первая книга «Необходимо защищать общество» («Il faut défendre la société»). Фуко занимал кафедру, получившую название «История систем мысли», с 1970 года вплоть до своей смерти в июне 1984 и читал свой курс каждый год, за исключением 1977, когда ему был предоставлен творческий отпуск. ТИР, прочитанный Фуко между 24 ноября 1971 года и 8 марта 1972, стал его вторым курсом в Коллеже после дебютного «Уроки о воли к власти» («Leçons sur la volonté de savoir»), относящегося к 1970/71 учебному году.

Как отмечают издатели, Фуко всегда проводил свой Курс лекций в первую очередь как исследователь, поэтому, несмотря на их тематическую близость с опубликованными книгами, они не дублируют работы соответствующего периода (р. IX), т. е. «Надзирать и наказывать» (1975; далее — НН) и три тома «Истории сексуальности» (1976–1984; далее — ИС). Хотя публикация тринадцати томов Курса открыла принципиально новую перспективу в фуковедении и именно его исследованию сегодня посвящена основная масса публикаций, сама ее идея изначально выглядела спорной. Лекторы публикуют краткое содержание своих лекций в «Ежегоднике Коллеж де Франс» (перепечатаны в соответствующих томах «Dits et écrits»), а также по традиции — вступительную речь. В случае Фуко это «Порядок дискурса» («L'ordre de discours»), прочитанный 2 декабря 1970 года и вышедший в 1971-м отдельной книгой. Публикации основного корпуса Курса долгое время

препятствовала юридическая проблема: незадолго до болезни известный своим перфекционизмом Фуко высказался против «посмертных публикаций»¹ и его наследники изначально рассматривали лекции в Коллеж де Франс именно в этом качестве. При этом, по свидетельству Поля Нора, сам Фуко колебался в отношении Курса, заметив, что «хотя в нем много мусора, но также много того, над чем можно поработать, и находок, которые могли бы пригодиться молодежи»². Длительные переговоры издателей и исследователей творчества Фуко во главе с упоминавшимся Алессандро Фонтаной с наследниками в конце концов заставили их изменить свою позицию.

Публикация ТИР может возобновить, казалось бы, давно угасшую полемику о целесообразности публикации Курса в настоящем виде, хотя вряд ли можно поставить под сомнение издательский успех проекта в целом. Редактором тома выступил американский исследователь Бернард Харкорт, также работавший над «Карательным обществом» («*Société Punitive*»; далее — SP), опубликованным в 2013 году³. Однако на этот раз редакторам не удалось обнаружить стенограммы ТИР, поэтому публикация представляет собой сборник подробных конспектов, составленных Фуко к каждой лекции. Стоит отметить, что благодаря качественной редакторской работе логическая структура ТИР от этого не страдает: короткие вводные фразы в сочетании с прозрачно сформулированными тезисами позволяют составить представление о ходе мысли Фуко. Более того, по иронии судьбы текст ТИР в своей лаконичной выразительности в чем-то напоминает афористический стиль Ницше, влияние которого на Фуко, как принято считать, достигло максимума именно в «генеалогический» период 1970-х годов, когда главным объектом его исследований стало соотношение знания и власти. Именно в кратком изложении ТИР он формулирует тезис, который можно было бы вынести в качестве эпиграфа ко всему Курсу: «...не существует общества, с одной стороны, и знания — с другой, или науки и Государства, а только базовые формы „власти-знания“ (*savoir-pouvoir*)» (р. 231).

Издатели ТИР подготовили подробнейший критический аппарат и дополнили его тематическими статьями, посвященными различным аспектам затронутых в нем проблем (примечания составляют в общей сложности около трети объема текста). Завершающее каждый том «Положение Курса» («*Situation du cours*») в ТИР, как и в SP, написано Харкорт и занимает 40 страниц. Кроме того, к изданию прилагается письмо Этьена Балибара, комментирующее отношение Фуко к развиваемой Альтюссером и его учениками теории государства, а также статья Клода-Оливье Дорона, проясняющая обстоятельства одной знаменитой в 1960-е

---

1. См.: *Eribon D.* (1989). Michel Foucault. 1926–1984. Paris, Flammarion. P. 346. Причем к последним он относил и четвертый том ИС — «Признания плоти» («*Confessions de la chair*»), работу над редакцией которого он планировал завершить незадолго до смерти.

2. *Ibid.* P. 347.

3. *Foucault M.* (2013). *La société punitive: cours au Collège de France 1972–1973*. Paris: EHESS, Gallimard, Seuil. Он же выступил в качестве редактора курса, прочитанного в Университете Лювен-ля-Нёв и тематически перекликающегося с ТИР и SP: *Foucault M.* (1981). *Mal faire, dire vrai: fonction de l'aveu en justice: cours de Louvain, 1981*. Louvain-la-Neuve: Presses Universitaires de Louvain.

годы исторической полемики о народных восстаниях во Франции XVII века. Последняя представляет особый интерес для отечественного читателя, так как позволяет говорить о внезапно обнаружившемся в творчестве Фуко «русском следе». Речь идет о нашумевшем споре советского историка Бориса Поршнева с одним из главных французских авторитетов в области изучения Старого режима Роланом Мунье и его учениками. Поршневу доказывал, что налоговые бунты, как, например, «восстание Босоногих» 1639 года, были важным эпизодом классовой борьбы, началом движения к Фронде, и далее — к Великой французской революции, тогда как Мунье отрицал глобальное значение народных восстаний, обвиняя Поршнева в марксистском догматизме и вдобавок упрекая в вольном обращении с источниками (частично находившемся в Ленинграде архивом канцлера Сегье, над которым оба работали)⁴.

Как свидетельствуют его конспекты, Фуко тщательно изучил ход полемики и пользовался как книгой Поршнева, опубликованной во французском переводе в 1964 году, так и работами Мунье и его учеников. Восемь из тринадцати занятий ТПР посвящены анализу «восстания Босоногих» и, самое главное, *репрессиям*, которые обрушились на его участников и предполагаемых симпатизантов. Он принимает всерьез тезис Поршнева об исключительной важности «восстания Босоногих» 1639 года, связанной с его попыткой сформировать «альтернативную форму власти» со своими ритуалами, предписаниями и формами мобилизации. Но Фуко вписывает ее в принципиально иной контекст, чем это предполагала марксистская телеология истории в изложении Поршнева: для Фуко значение «восстания Босоногих» состоит не в пробуждении «классового сознания» и не в появлении экономической основы для союза «народных масс» и буржуазии против Старого режима. С его точки зрения, смысл «великих репрессий семнадцатого века» заключался в том, что «государство впервые наложило руку на правосудие» (р. 7). «Уголовный ритуал», впервые осуществленный Сегье в ходе подавления восстания 1639 года, одновременно служил «политическому распределению репрессий» и «театральной репрезентации власти», которая становится независимой от личности короля (или, вспомним важную отсылку к Канторовичу, от «бессмертного тела короля»⁵). На протяжении нескольких лекций Фуко анализирует отличие принципов функционирования средневековых правовых институтов, а также форм их репрезентации от «вооруженного правосудия» (*justice armée*) нового типа. Это правосудие поначалу предстает не в качестве «института», а в виде «серии операций», которые в дальнейшем будут ритуализованы и составят суть «репрессивного аппарата государства». Оно применяет к восставшим не «обычай правосудия», а «обычай войны», а также ставит короля «выше законов королевства», отменяя

4. См. статью Клода-Оливье Дорона, а также комментарии Балибара о поддержке, хотя и не вполне единодушной, Поршнева со стороны и французских марксистов, и Альтюссера, который ознакомился с его работой в немецком переводе еще в 1950-е годы. Р. 291–307; cf. 287–288.

5. Аллюзия на Канторовича присутствует в ТПР, но концепция общества «суверенитета» еще не сформулирована. Р. 26, 36, п. 27; 71, 80, п. 12.

традиционные ритуалы правосудия (наличие различных судей, письменный приговор, предоставление слова обвиняемому) и лишая полномочий агентов, традиционно рассматриваемых в качестве «противовесов» (*freins*) королевской власти: церковь, региональные парламенты и «полицию», состоящую из местной знати. Что особенно важно для Фуко, оператором этих изменений является не король, а канцлер Сегье, и именно в этот момент «вместо отсутствующего короля появляется видимое тело Государства» (р. 73).

В лекции 19 января 1972 года Фуко подводит итог этих изменений: правосудие нового типа требует создания «централизованной полиции» и «заключения» (*enfermement*) в качестве ее основного инструмента⁶. Помимо этого, будущее «рождение тюрьмы», до сих пор находившейся «на задворках правосудия», тесно связано с развитием новых «техник», которые теперь функционируют принципиально иным образом: если в Средние века оно понималось как процесс «обмена» (выкупов, компенсаций), то теперь в первую очередь направлено на «исключение» (*exclusion*), и, соответственно, преступление понимается уже не как «ущерб» (*dommage*), а как «правонарушение» (*infraction*). Оставшиеся пять лекций Фуко посвящает процессу перехода Франции от Германского к Римскому праву, которые он отождествляет с усилением королевской власти, а также с установлением четкой границы между уголовным и гражданским кодексом, которое завершает институциональные изменения.

Таким образом, именно в ТПР Фуко впервые формулирует «репрессивную гипотезу», хотя необходимый для создания концепции дисциплинарного общества анализ «тюрьмы», «экзамена» и «техник тела» будет проделан только в следующих частях Курса, главным образом в прочитанном в 1972–1973 гг. «Карательном обществе». Как отмечает в своем комментарии Балибар, именно в этом заключается его принципиальное разногласие с Альтюссером и марксистской историографией в целом: тогда как последний считал, что «репрессивный аппарат» представляет собой хорошо изученный феномен и предлагал сосредоточиться на исследовании «идеологических аппаратов государства», Фуко призывал к изучению стратегий и «техник» власти (р. 287). Окончательный разрыв с марксизмом произойдет позднее, когда в НН, а затем — в предисловии к первому тому ИС Фуко откажется от «репрессивной гипотезы» и заявит о «продуктивном» характере власти⁷. Но этот вопрос заслуживает того, чтобы стать предметом отдельного исследования, и не входит в задачу настоящей рецензии.

---

6. Причем тюремное заключение является частью более общего механизма «исключения» (*élimination*), беднейшего и потенциально криминогенных групп населения, также включавшего в себя «призыв» (*enrôlement*) и привлечение к «великим стройкам» (*grands travaux*) (р. 93).

7. *Foucault M.* (1976). *Histoire de la sexualité*, Vol.1: *Volonté de savoir*. Paris: Gallimard. P. 18.

King's Vanishing Body: The Origins of Prison, Criminal Law and State (Review: Michel Foucault, *Théories et institutions pénales: cours au Collège de France, 1971–1972* [Paris: EHESS, Gallimard, Seuil, 2015])

Evgeny Blinov

Associated Member, ERRAPHIS, Université de Toulouse 2

Adress: 5 allées Antonio Machado, F-31058 Toulouse cedex 9, France

E-mail: moderator1979@hotmail.com